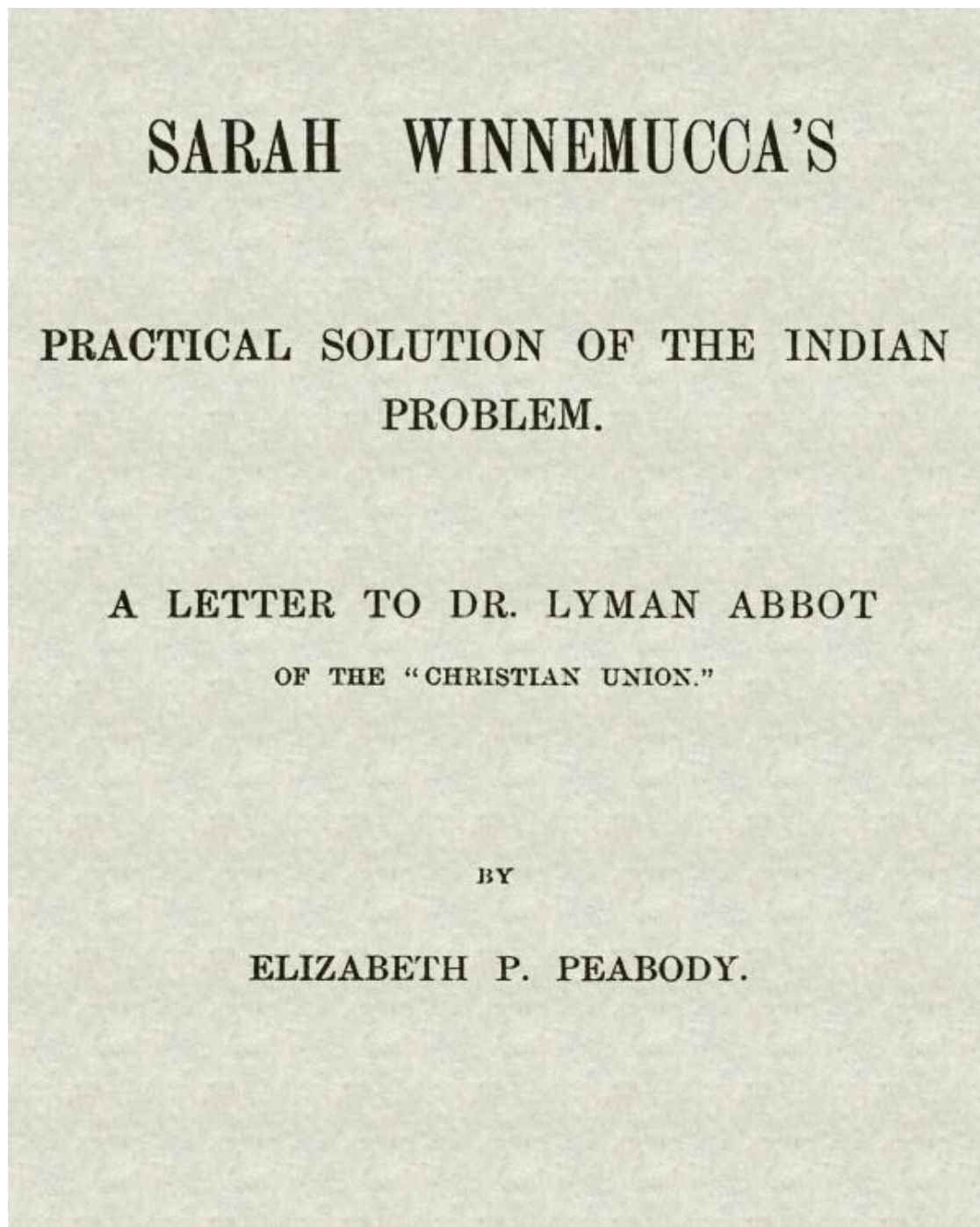

Практическое решение индейской
проблемы Сарой Уиннемакка. Письмо
доктору Лайману Эбботу из
"Христианского союза"

Элизабет Палмер Пибоди

Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная практическому решению индейской проблемы Сары Уиннемакка

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Практическое решение индейской проблемы Сарой Уиннемакка

Автор: Элизабет Палмер Пибоди

Дата выхода: 17 июля 2018 [Электронная книга № 57526]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Мэри Гленн Краузе, Дэвид Э. Браун и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ" САРЫ ВИННЕМАККИ ***

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА:

Изображение обложки для этой электронной книги было создано переписчиком с титульного листа оригинала и находится в общественном достоянии.

SARAH WINNEMUCCA'S

PRACTICAL SOLUTION OF THE INDIAN PROBLEM.

A LETTER TO DR. LYMAN ABBOT

OF THE "CHRISTIAN UNION."

BY

ELIZABETH P. PEABODY.

CAMBRIDGE:
JOHN WILSON AND SON.

University Press.

1886.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ САРОЙ УИННЕМАККА

ПИСЬМО ДОКТОРУ ЛАЙМАНУ ЭББОТУ ИЗ “ХРИСТИАНСКОГО СОЮЗА”.

ЭЛИЗАБЕТ П. ПИБОДИ.

КЕМБРИДЖ:
ДЖОН УИЛСОН И СЫН.
Издательство университета.
1886.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ САРОЙ УИННЕМАККА.

Доктору Лайману Эбботу, редактору "Христианского союза":—

Поскольку год или больше назад вы так сердечно объявили о “Новом отъезде” Сары Уиннемакка как о решении Христианским союзом индийской проблемы, я направляю вам этот Отчет, который я сейчас желаю представить общественности, *неофициальный и официальный*, о ее прогрессе. Отличительной чертой этого Нового направления является то, что вместо того, чтобы быть, как обычно, пассивным приемом цивилизующего влияния, оказываемого белыми людьми, которые смотрят на индейцев свысока как на духовных, моральных и интеллектуальных низших существ, это спонтанное движение, совершаемое самим индейцем, *от себя*, в полном сознании свободы воли, ради образования, которое должно его цивилизовать.

Идея Сары Уиннемакка унаследована от замечательного вождя пиутов, капитана Траки, который в 1848 году впервые обнаружил, что в мире есть белые люди! В первой главе своей “Жизни среди пиутов”^[1] Сара рассказывает о своей встрече с генералом (тогда капитаном) Фремонтом в горах Невады, который принял предложенное им руководство по непривычному пути, и с которым он и дюжина его храбрецов отправились в Калифорнию, где чудеса цивилизации обрушились на него, воспламенив его воображение, раньше, чем он сам уважение было уязвлено, и его сердце обескуражено, как это обычно бывает в Индии, неутолимимым желанием поделиться этой славой.

Он и его воины смогли оказать Фремонту услугу при Марипосе и сразу после завоевания Калифорнии, за что были награждены, и Фремонт относился к ним с таким уважением и

добротой, что сердце старого вождя было полностью завоевано; ион цеплялся за своих “белых братьев”, как он трогательно называл их, до конца своей жизни, хотя сразу по возвращении в Неваду ему рассказали о тех ужасных эмиграциях, которые пронесли по ней “подобно рыкающему льву”, как выразилась Сара, вселяя ужас в души женщин и детей. даже о храбрых людях, которые не могли понять бессмысленной и неспровоцированной жестокости, с которой эти белые дикари расстреливали всех индейцев, как только их видели, словно они были дикими зверями. Но он упорно продолжал называть их *исключениями* до конца своей жизни.

Бесхитростная автобиография первых глав книги Сары дает ключ к ее карьере примиряющего посредника для взаимопонимания двух рас. Ее научил этому ее дед. О том, что она действительно стала такой, свидетельствует статья из “Дейли Альта Калифорния” от 24 июля, которую я только что получил; и я прошу вас вставить сюда каждое ее слово:

Мы уже упоминали школу для индейских детей, основанную в Неваде женщиной-пиутом, принцессой Сарой Уиннемакка. Ее усилия, как нам показалось, заслуживают поощрения. Путешественники по Неваде, которые видели убогие толпы индийских детей на станциях, жадно поглощающих объедки, предлагаемые им из окон вагонов, могут подумать, что возрождение этих людей невозможно. Чтобы изменить это мнение, необходимо лишь рассмотреть случай Сары Уиннемакка, которая, когда ее детство было давно позади, впервые получила возможности для получения образования и улучшила их настолько хорошо, что ее достижения вызывают уважение всех белых людей, которые ее знают. То, что дало ей образование, оно может сделать для большинства детей того племени, в котором она родилась принцессой, дочерью Вождя. Она очень активна ради своего народа и не упускает возможности подтолкнуть его вперед по пути к цивилизации. Недавно она отправила послание индийцам, проживающим в округе Инио, в этом штате, призывая их отправить своих детей в школу. Копия этого письма была отправлена школьным попечителям Инио, и мы предлагаем обратить на это внимание наших читателей. Она говорит:—

“Братья и сестры: услышав, что вы собираетесь открыть школу для обучения своих детей, я хочу сказать несколько слов по этому поводу. Вы все знаете меня; многие из вас - мои тети или кузины. Мы одной расы, ваша кровь — это моя кровь, поэтому я говорю с вами для вашего же блага. Я говорю на пяти языках: трех индийских, английском и испанском. Я умею читать и писать и являюсь школьным учителем. Я говорю это не для того, чтобы похвастаться, а просто чтобы показать вам, что можно сделать. Когда я была маленькой девочкой, в Индии не было школ; я училась с большим трудом. Ваши дети могут научиться гораздо большему, чем я знаю, и гораздо легче; и ваш долг - следить за тем, чтобы они ходили в школу. Невежеству нет оправдания. Тут и там строятся школы, и вы можете иметь их столько, сколько вам нужно; все, что они просят вас сделать, - это отправить своих детей. Вас не просят давать деньги или лошадей, — только отправить ваших детей в школу. Остальное сделает учитель. Он или она подготовит ваших малышей к жизненной битве, чтобы они могли заниматься своими собственными делами вместо того, чтобы звать белого человека. Несколько лет назад вы владели этой великой страной; сегодня белый человек владеет всем, а вы ничем. Вы знаете, что это сделало? Образование. Вы видите мили и мили железной дороги, локомотив, Монетный двор в Карсоне, где делают деньги. Образование сделало все это. Теперь то, что оно сделало для одного человека, оно сделает

и для другого. У вас такие же мозги, как у белых, у ваших детей есть мозги, и это будет ваша вина, если они вырастут такими, как вы. Я умоляю вас взяться за эту школу и оказать свою поддержку, отправив туда своих детей, старых и юных; и когда они вырастут мужчинами и женщинами, они благословят вас".

“Трудно найти во всей педагогической литературе более сильный призыв к первобытному или любому другому народу воспользоваться преимуществами образования. Исключительно хороший по своему языку и логичный в изложении доводов, он представляет собой не только совет для ее собственного племени, но и лучшее из всех подлинных доказательств способностей индийского интеллекта. Мы не можем отделаться от ощущения, что такая женщина заслуживает помощи и что ее работа должна пользоваться поддержкой далеко за пределами ее собственного государства. Если бы каждое из племен могло предоставить только одну такую женщину, одинаково культурную, искреннюю и энергичную, их совместное влияние на будущее наших индейцев было бы больше, чем все армии, которые могут быть выставлены в поле. Федеральное правительство должно считаться с ней и ее работой. Она защищала свой народ от негодяйского обращения со стороны его агентов, но с редкой осмотрительностью никогда, следовательно, не настраивала его против белых. Она постоянно указывала на цивилизацию как на нечто превыше всего и учила их, что возвращение к прежнему образу жизни навсегда невозможно.

“Мы считаем, что Министерству по делам индии следует основать индийскую школу в Неваде и поставить Сару во главе нее. Затраты были бы невелики по сравнению с ценностью эксперимента, и, несомненно, он вызвал бы сочувствие всех здравомыслящих людей. Она обладает обширной культурой и досконально знает индийский характер, в то время как легко поверить, что ее пример будет иметь большое значение для поощрения ее учеников. Когда у индейцев белый учитель, естественно, должно казаться, что между ними огромная пропасть. Ученики часто отчаиваются когда-либо приблизиться к знаниям, которые, по их мнению, были так же естественны для белого человека, как цвет его кожи. Но когда учительница-индианка, такая как Сара, может сказать им: "Я выучила это, я индианка, и вы так же хороши, как и я; то, чему я научилась, настолько же возможно и легко для вас", - в этом должно быть высшее поощрение. Мы не знаем, существует ли на этом побережье какая-либо организация, которая отвечает за интересы этих скромных людей. Мы полагаем, что миссис Джон Бидвелл сделала что-то в своем окружении для их продвижения, и она, возможно, известна на Востоке своей хорошей работой. Если существует организация, она должна довести этот вопрос до сведения правительства, с тем чтобы у этой индианки были возможности, равные ее энергии и благородному духу. Белым ничуть не повредит, если они дадут волю своим мягким и филантропическим чувствам в вопросе, который полон интереса и подлинного христианства”.

Не останавливаясь на том, чтобы рассказать об обстоятельствах ее жизни, внутренних и внешних, которые привели ее к нынешнему начинанию, — хотя это придало бы ему новый смысл и интерес, — я спешу сказать, что полтора года назад, когда казалось, что условия, которых она так жаждала, безнадежны, сенатор Лиланд Стэнфорд, который познакомился с Пиутами в 1863 году и лично знал их исключительный характер, спонтанно завещал брату Сары, чифу Натчесу, сто шестьдесят акров земли недалеко от Лавлокса.; и несколько друзей Сары на Востоке, которым она полностью изложила свою идею и то, что она хотела сделать, выделили из своих личных средств едва достаточный капитал, чтобы Натчес смог провести обследование

своей земли, частично огородить ее и засадить, а Сара открыла школу для его детей и детей некоторых других пиутов, бродящих по окрестностям в поисках случайной работы. Она начала обучать их английскому языку, на котором она выросла, общаясь на равных с представителями обеих рас.

Наша идея при оказании этой помощи, без которой земля не была бы благом, заключалась в том, чтобы дать Саре шанс начать свой эксперимент независимо от агентства на озере Пирамид, которое, как и подавляющее большинство индийских агентств, препятствует цивилизации, оскорбляя и подавляя творческое самоуважение и сознательную свободу действий, из которых только и может проистекать любое жизненно важное улучшение человека. Мы хотели, чтобы не было никакого предложения для получения услуг, чтобы агент, который, естественно, является ее личным врагом, вмешивался в то время, как она с несколькими своими людьми начала самостоятельную жизнь на основе унаследованной ими домашней морали, которая, по крайней мере, в случае с пиутами, очень чиста, как она продемонстрировала нам в своих лекциях и своей собственной замечательной личностью, создавая таким образом здоровый дикий запас естественной религии, на котором можно привить христианскую цивилизацию, достойную этого названия, которая могла бы осуждать и исправлять то, что, безусловно, позорит это сейчас на наших границах. Но все, что мы для нее сделали, по-прежнему оставляло у нее подорванное здоровье и бесчисленные трудности, с которыми приходилось бороться, которые сокрушили бы любой менее героический дух.

Она начала свою школу в зарослях кустарника, обучая евангельским гимнам и трудовым песням, которые переводила на пиуте; и как только дети немного заговорили и поняли по-английски, она начала учить их читать и писать на нем, а также рисовать и даже шифровать, присылая нам по почте образцы их работ и шитья. А в феврале мы были удивлены следующим письмом, пришедшим вскоре после письма от нее самой, в котором она описала неожиданный визит и сообщила, что капитан Кук обратился к детям с речью (которую она перевела им на пиуте), в которой говорилось, что когда он был мальчиком, у него не было таких преимуществ образования, какими пользовались они. Это письмо я немедленно отправил редактору “Бостон транскрипт”, который опубликовал его со своим собственным одобрением следующего содержания:

ШКОЛА ПРИНЦЕССЫ.

Сердце мисс Элизабет П. Пибоди приободрилось — хотя оно никогда и не колебалось в том великодушном доверии, на которое способны только благородные натуры, — следующим неожиданным свидетельством верности благочестивой “принцессы” Уиннемакка делу возвышения своего народа. Другие друзья индейца отвернулись от нее, но мисс Пибоди упорно поддерживала эту самую замечательную женщину, несмотря на всевозможные жестокие и скандальные нападки на ее репутацию со стороны тех, кто заинтересован в том, чтобы бедные, обездоленные остатки мирных пиутов были оставлены обнаженными на растерзание своим врагам. Это, безусловно, заслуживающее доверия свидетельство:—

Лавлокс, 25 февраля 1886г.

Мисс Пибоди, Несколько главных жителей Лавлокса, так часто слышавших о школе Пиутов и чаяниях принцессы, после недолгих размышлений решили лично убедиться в правдивости этих поразительных слухов. Поскольку некоторые участники вечеринки не

смогли присутствовать в течение недели, дети были любезно задержаны в субботу для нашего удовольствия.

Здание школы находится примерно в двух милях от города; и оно настолько непритязательно на вид, что человек с коляской будет воспринимать его как тихий сельский дом, а не как поле труда вашего достойного подопечного. Когда мы приблизились к школе, в наших ушах зазвенели взрывы веселого смеха, а маленькие смуглые и загорелые личики смутно улыбались, одобряя наше посещение. После краткого разговора с принцессой мы уселись поудобнее, очевидно, чувствуя, что

“Будь что будет,

Время и час проходят в течение самого тяжелого дня”.

Говоря на своем родном языке, принцесса попросила детей назвать все видимые предметы, повторить дни недели и месяцы года и сосчитать до тысяч, что они и сделали самым образцовым образом. Затем она попросила их продемонстрировать свои знания на доске, каждый по очереди выводя вслух свое имя и написание. Излишне говорить, мисс Пибоди, что мы были очарованы этим открытием. Ничто, кроме самого усердного труда, не могло бы выполнить эту работу. Но самое удивительное, что я грубо уставился (и большинство из нашей компании были виновны в том же грехе), когда эти, казалось бы, оборванные и необразованные существа начали петь *евангельские гимны* с точной мелодией, точным временем и отчетливым произношением. Слияние их голосов в унисон было грандиозным и доставляло чрезвычайно сладкое удовольствие. Мы рассматриваем это как чудесный прогресс; и мы были так довольны, что решили отправить это свидетельство с именами присутствующих, чтобы вы могли знать о хорошей работе, которую пытается завершить принцесса. Учитывая, что на это ушло всего шесть недель [прошло шесть недель с тех пор, как дом был достроен; школа на открытом воздухе существовала дольше. — Е. П. П.], мы считаем, что любая дальнейшая помощь была бы Сара заслужила и потратила бы ее с пользой. Один из членов нашей группы, по имени капитан Кук, обратился к детям с речью о полезности знаний и их силе в мире. Когда принцесса должным образом истолковала эту речь, их ясные глаза, казалось, сказали в ответ: “Мы, хотя и все еще в зародыше, цветы наступающего рассвета, благоухающие золотым мхом дуба”.

Остаюсь с большим уважением,

Louisa Marzen.

Подписано каждым—

Миссис Дженни Э. Харрингтон,

миссис Х. К. Эммонс,

Т. Х. Уоркман,

Гео. У. Лекомpton,

Эмили Э. Каттинг,

капитан Фрэнк Кук.

Сара также написала, что попросила этих людей написать мне и сообщить об их одобрении, потому что именно я подарила здание школы. Но при этом, а также из-за того, что впоследствии она назвала свою школу “Институтом Пибоди”, что нарисовано снаружи, создалось ложное

впечатление, как будто я был создателем и оказывал преобладающее влияние на школу. Это диаметрально противоположно факту; ибо самое важное, что я бы выделил, - это то, что все это индийская идея и индийский план; и причина, по которой она считает меня своей опорой, заключается в том, что я не беспокою ее своими предложениями, а жду, чтобы увидеть, что побуждает ее делать, потому что я вижу, что она знает, чего не могу добиться я, как нужно подходить к индийскому разуму и использовать его для саморазвития, которое является единственным настоящим образованием. Я обязан ей убеждением, которое росло во мне постоянно в течение трех лет, что единственное жизненно важное образование для индейца, как и для любого ребенка, - это метод Фребеля сохранять равновесие в действиях и мышлении.

Вскоре после получения вышеупомянутого письма мне прислали несколько газет из Невады, Юты и Калифорнии, из которых я приведу примеры абзацев. В одном из писем корреспондента Лавлокс из "Силвер Стейт" говорится:—

"Принцесса Сара добивается успеха в своей школе для юных пиутов. Посещаемость большая, и каждое утро на наших улицах можно увидеть маленьких индейцев, которые идут со своими обедами в школу, расположенную в полутора милях отсюда. Она поддерживает превосходный порядок и руководит школой так же систематично, как любая опытная "школьная мэм".

Существует вполне определенное доказательство того, что ни Сара, ни ее брат не предлагали эту статью в семи словах, выделенных курсивом в другом ее абзаце; поскольку известно, что пиуты никогда не держали в руках "томагавк или нож для скальпирования" - никогда не снимали скальп, хотя белые сами снимали скальп, о чем Сара рассказала несколько трогательных примеров на своих лекциях, когда она была здесь.

Вождь Натчес *отложил в сторону томагавк и нож для скальпирования* и взялся за плуг и мотыгу. Он расчистил около сорока акров из ста шестидесяти, выделенных ему губернатором Стэнфордом. Тридцать акров он засеет пшеницей, а остальные засеет ячменем и овощами. С ним работает дюжина или больше индейцев на плотине, принадлежащей его белым соседям, которые платят ему, предоставляя воду для его ранчо в этом сезоне".

Другой говорит:—

"Сара Уиннемакка Хопкинс построила школу для своего народа, и в ней около двадцати пяти учеников, все маленькие пиуты. Они быстро учатся, и хотя школа работает здесь всего около шести недель, некоторые из них уже умеют читать и писать. Школа бесплатна для всех детей-пиутов в этом округе, *при условии, что их родители организуют для них питание*. Это единственный недостаток школы: у принцессы Салли нет средств прокормить детей, и она не смогла бы построить здание школы, если бы не помощь, оказанная ей филантропическими людьми на Востоке".

Еще одна цитата из "Daily Alta California", первое уведомление, сделанное ею еще в марте (упоминается на странице 4):—

"В Неваде проводится эксперимент, который заслуживает уважительного сочувствия всего мира. Принцесса Сара, дочь Виннемакки, покойного вождя пиутов, открыла школу для индейских детей, и молодежь ее племени стекается туда для обучения. В этом стремлении

вернуть свой первобытный народ эта индианка возвышается до благородства, которое ставит ее в один ряд с лучшими представителями высшей [?] расы ”.

Когда я написал Саре за объяснением этого “недостатка”, она сказала, что родители-пиуты, которые зимой работали на жителей Лавлокса, должны отправиться на летнюю охоту за пропитанием и зимними запасами и взять с собой своих детей, и уже уехали некоторые из ее лучших учеников; она сожалела об этом, поскольку надеялась, что, когда сенатор Стэнфорд в середине лета поедет домой из Конгресса, он остановится и увидит их, и будет так доволен тем, что Натчес сделала с землей и что она сделала в школе, что сенатор Стэнфорд, вернувшись домой из Конгресса, остановится и увидит их, и будет так доволен тем, что Натчес сделала с землей и что она сделала в школе, что он потребовал бы из фонда Индийского офиса, выделяемого на образование Индии, денег, достаточных для того, чтобы летом превратить ее школу в интернат. Она сказала, что бедные родители собрались на совет в ее классной комнате и выразили свое сожаление по поводу того, что сами не могут платить ей за питание своих детей; и они сравнили эту школу, где дети были так счастливы в учебе, со школами резервации, где их *били* кнутом и ничему не учили, но на которые правительство ежегодно тратит миллионы долларов.

Теперь я (вместе с другими близкими друзьями Сары) хотел, чтобы к правительству не обращались с просьбой о помощи, но чтобы ее собственная работа, рассматриваемая в отличие от работы агентства, вызвала его сочувственное сотрудничество; и я поместил в “Бостон Транскрипт” от 21 апреля следующую статью:

ПЕРВАЯ ШКОЛА, В КОТОРОЙ ПРЕПОДАВАЛ ИНДЕЕЦ.

Редактору стенограммы: Я был очень признателен вам за ваше сочувственное вступление к письму от тех семи человек из Лавлокса, которые написали мне о школе Сары Уиннемакка, успех которой в таких тяжелых условиях, в каких она находится (голодание на кедровых орешках, без хлеба и мяса), является очень важным фактом в отношении индийского образования, которое до сих пор было таким несовершенным, потому что проводилось преподавателями, не знающими ни одного индийского языка. Это первый зарегистрированный случай, когда в индийской школе преподавала чистокровная индианка, выросшая среди представителей обеих рас, говорящая на обоих языках и с младенчества вдохновленная идеей цивилизовать свой народ, сделав английский также их родным языком и подготовив ученых, в свою очередь, к преподаванию английского языка своим товарищам и родителям, что дети могут делать лучше всего.

Затем, вставив приведенные выше отрывки из западных газет, я добавил этот абзац:-

Если я смогу этим летом зарабатывать 100 долларов в месяц, то, возможно, удастся предотвратить катастрофу с распадом этой *реальной* школы. За неделю я собрал почти сотню на апрель; и если мне *сразу* смогут выслать долговые расписки, подлежащие оплате в мае, июне, июле и августе, я *смогу послать ей телеграмму, чтобы она сохранила* своих учеников, поскольку их питание будет оплачено, - сказал он.... Любые суммы от одного доллара до ста могут быть отправлены мне по адресу Ямайка Плейн, Чешир-стрит, 4, в виде этих векселей, оплаты по которым я не потребую, пока школа не будет продолжена.

Элизабет П. Пибоди.

Это обращение немедленно принесло 400 долларов суммами от одного доллара до пятидесяти долларов и обещание еще 100 долларов на август; и я послал ей весточку, чтобы она сохранила свои стипендии. Это было прекрасным доказательством морального впечатления, которое она произвела на себя летом 1883 года, поскольку уже была задействована вся организованная симпатия к индейцам на Востоке; поскольку еще до того, как о пиутах слышали, все средства, собираемые женскими ассоциациями, направлялись на их собственную миссионерскую работу; в то время как генерал Армстронг приезжал каждый год и уносил тысячи долларов для Хэмптонской школы и Карлайла, а епископ Хэйр делал то же самое для Dakoty.

Но я вижу, что перехожу границы, которые вы предписали для моей статьи, и должен поспешить рассказать о месячном визите к Саре, начавшемся 18 июля, леди, которая в течение двадцати лет практически занималась государственным и частным образованием на Западе и Востоке, и которая познакомилась с Сарой летом 1883 года, а затем пообещала ей, если она вылечит Малера, что поедет и обновит вместе с ней школу, которую содержали Сара и миссис Чарльз Пэриш, под покровительством единственного хорошего агента из семнадцати, когда-либо направляемых к пиутам; и это может быть правдой. прочтя шестую главу “Жизни среди пиутов”, можно увидеть, что для практического решения индейской проблемы (по крайней мере, среди пиутов) не требуется ничего, кроме добросовестности со стороны правительственных агентов в предоставлении им шансов белого человека, не снижая их заработка в интересах агентов. В течение последнего года эта дама была методистом в обычной школе в Висконсине; и она предложила поехать за свой счет, если ей предоставят бесплатный пропуск, и сообщить мне о школе. В довольно объемистой переписке со мной она изложила историю *statu quo*, осмысливая положение вещей как внутри, так и за пределами ранчо, обнаружив, что ей и половины не рассказали о трудностях, сопутствующих такой попытке, как попытка Сары, возникающих из-за общей враждебности жителей приграничья к индейцам и их склонности подавлять их попытки самостоятельного существования, усиливающейся с каждым успехом индейцев. Она лично застала Сару в обстоятельствах гораздо более неприятных, чем та могла себе представить, и в дополнение к хроническому ревматизму и невралгии, от которых, как она знала, та страдала в течение двух лет, ее через день мучили озноб и лихорадка, так что первое, что она решила сделать, - это вылечить ее хинином, что она и сделала. Но это делает еще более поразительным ее свидетельство характера и качества преподавания Сары, которое направлено на то, чтобы дети понимали английский язык и говорили на нем, а затем читали и писали на нем. Она нашла учеников во Втором Чтении и сказала, что каждый урок читался на английском и пиуте; и когда Сара читала им (например, из Библии), оба языка использовались одинаково, и сопровождавшая это беседа на заданную тему была чрезвычайно оживленной. Сравнивая классы с теми, с которыми она была знакома в школах Соединенных Штатов для детей того же возраста, Сара обнаружила, что успеваемость у нее была явно выше. В их письме и рисовании, которые она прислала мне дюжину или больше образцов, было заметно превосходство, и оно становилось еще более удивительным из-за того, что там не было школьной мебели, кроме скамеек без спинок, которые, когда они писали, рисовали или шифровали, они использовали как столы, сидя или стоя на коленях на полу, а иногда, сделав пол своим столом, они ложились на него, чтобы писать или шифровать. Но дети были так заинтересованы и усердствовали в учебе, что были совершенно послушны, и когда закончились определенные школьные часы, — которые на момент ее прихода туда были сокращены по сравнению с четырьмя часами, которые были правилом, из-за нагрузки производственной работы, связанной с сельским хозяйством и домашним хозяйством

(поскольку эта школа Сары охватывает всю их жизнь), — она обнаружила, что мальчики копают погреб, а девочки помогают Саре готовить и убирать, и все в классной комнате и палатке было безупречно аккуратно. Возраст детей варьировался от шести до шестнадцати лет, и была описана индивидуальность каждого ребенка с указанием тех моментов, в которых они по отдельности преуспели. Короче говоря, в своих пределах образование было выше, а не ниже среднего образования белых в наших начальных школах, поскольку основывалось на методе “Нового образования”, при котором действие ведет к мышлению и придает определенное значение каждому используемому слову.

Я хотел бы побудить ваших читателей заглянуть в книгу, изданную нью-йоркским издательством “Карлтон и компания” под названием “Скрытая сила”, написанную мистером Тибблзом, белым мужем семейства Понка с Яркими Глазами, каждое слово в которой, как он сказал мне, является фактом, за исключением имен собственных.

Совершенно невозможно начать отдавать должное какому-либо такому движению, как движение Сары Уиннемакка, если не понять вековую историю Индийского кольца. Эта неуловимая сила, восходящая к организации компаний торговцев мехом, стала управлять этой страной так же нераздельно, как какое-то время управляла рабовладельческая демократия, и до сих пор наносит ущерб всему, что предлагалось сделать; и это объясняет, почему за последние несколько лет так мало было сделано ассоциациями защиты прав индейцев и просвещенным планом мистера Доуза и других по разделу земель в собственность индейцев.

ПОСТСКРИПТУМ.

Здесь заканчивается статья, которую я подготовил для “Христианского союза”, но которая оказалась слишком длинной для газеты, и вы посоветовали мне напечатать ее в виде брошюры; и я заканчиваю тем, что обращаюсь к НЕОФИЦИАЛЬНОМУ населению Соединенных Штатов, а не к правительству, как я думал вначале.

Ибо, несмотря на благие намерения новой администрации, я вижу, что ей фактически препятствуют (как, она сама не осознает) воздать должное индейцам, поскольку ее первым актом в отношении племени Кроу-Крик, как она обещала, будет ее политика.

Я упомянул, что удовлетворительное свидетельство о характере школы Сары Уиннемакка, которым я завершаю вышеприведенный отчет о ней, было извлечено из “объемистых писем”, изобилующих подробностями бесчисленных трудностей, с которыми приходилось сталкиваться Саре, о чем некоторое представление можно получить из следующего отрывка письма, которое мой корреспондент направил в тот же день в газету Индианаполиса:

Натчес хотел иметь собственную землю; и, как ни странно, он ее получил. Сенатор Стэнфорд выделил ему сто шестьдесят акров. Там, где пасется скот, земля должна быть огорожена. Пиломатериалы стоят очень дорого, так как их привозят издалека. Мисс Пибоди прислала ему 200 долларов на забор. Дальше идет вода. Невада - пустыня без орошения.

Согласившись выплачивать им из своего урожая, Натчес нанял тринадцать человек (индейцев и себя самого) на один месяц для работы на плотине и канавах, чтобы платить за воду, но не получил бумаги, на какой срок. Жители Востока помогают ему тащить повозку, плуг, лопату, мотыгу и топор. У него уже есть лошади, и он получает шестьдесят восемь акров хорошей пшеницы. Когда пшеница растет и соблазняет скот, люди, обладающие силой воды, говорят ему, что он должен оставить ворота открытыми, чтобы они могли добраться до своих канав, некоторые из которых они устроили на его земле без разрешения. У белых людей по обе стороны от него есть ворота, и они держат их закрытыми, хотя их земля используется только для выпаса скота. Я приезжаю в город, обнаруживаю, что они не имеют права ничего говорить по этому поводу, и ворота подняты, и старый дядя, который разбил у них лагерь, чтобы не пустить коров и спасти пшеницу, может сделать что-нибудь еще. Пшеница созревает; он может нанять машину, чтобы срезать ее по цене 1,75 доллара за акр наличными. У него нет наличных; он должен нанимать индианок по цене 5 долларов за акр и платить пшеницей.

“Когда я в следующий раз приеду в город, мне скажут, что водопроводная компания решила больше не давать Натчесу воду, потому что "индейцы такие ленивые, они не хотят, чтобы они были рядом", и, для иллюстрации, укажут на того старика, который весь день просидел у дыры в заборе Натчеса. Я пытался объяснить, но здесь не разрешается ничего объяснять.

“На всех железнодорожных станциях вдоль дороги можно увидеть индейцев, сидящих на тенистой стороне дома или прогуливающих по рельсам, иногда попрошайничающих. Я поговорил с одним из них о безделье и игре в карты, которые так распространены. Она призналась, но тут же пожалела об этом и добавила: "Позволь мне переодеть тебя индейцем и отправиться в резервацию, где прошли обучение все эти индейцы. Побудьте несколько недель индейцем и научитесь получать удовольствие от работы в том виде, в каком мы ее выполняем, и посмотрим, считаете ли вы, что наши молодые люди могут видеть в ней что-то хорошее или у них есть какие-то мотивы для этого. Вы знаете детей, — посмотрите, что, по вашему мнению, такое же обучение сделало бы для белого ребенка ”.

Очевидно, что ревность и противодействие были доведены до безумия самим успехом беспримерного предприятия Сары, которое также привлекло внимание агента Гибсона, чьи интриги легли в основу других писем.

За неделю до ее приезда появился чиновник из Вашингтона, который был близким другом Гибсона, и сказал Саре, что, если Натчес не передаст свое независимое владение землей, а она - руководство своей школой уполномоченному агенту Pyramid Lake, никакой помощи школе-интернату из резервного фонда образования индейцев оказываться не будет. Сара, однако, с негодованием отказалась принять какую-либо помощь на таких разрушительных условиях.

Должен признаться, я не был удивлен или очень огорчен этой последней демонстрацией того, что единственная эффективная вещь, которую можно сделать, чтобы помочь индейцу *подняться над самим собой* (используя удачное выражение мистера Доуза, которое точно описывает то, что намеревается сделать Сара), - это ПОЛНОСТЬЮ ОТМЕНИТЬ НЫНЕШНЮЮ АГЕНТСКУЮ СИСТЕМУ, как я рад видеть, было предложено мистером Пейнтером на последней конференции в Моханке; ибо это наиболее эффективный инструмент грозного Кольца, состоящего из все еще нереформированной гражданской службы на границах и большинства

населения приграничья. , которые осуждают индийскую цивилизацию и работают против нее с огромным меркантильным интересом, рассеянным по всему Союзу, которые жиреют на КОНТРАКТАХ НА ПОСТАВКИ, которые являются дыханием жизни для этой хорошо названной “Скрытой силы”.

Было высказано предположение, что предварительным шагом к такому упразднению должно стать обнародование истории этого Кольца, действие которого с самого начала было направлено на всеобщее изгнание племен из их нескольких первоначальных населенных пунктов; раскрытие тайны войны во Флориде и других операций, среди которых наиболее изощренными являются его явно дружественное сотрудничество и лицемерная лесть различным организациям по образованию и обращению индейцев в христианство. Такая история объяснила бы их мотивы сделать Сару Уиннемакка “подозреваемой” в глазах как раз тех, кто должен был с великодушным доверием относиться к этой поборнице права и возможности своего народа *свободно выбирать* лучшее в цивилизации, — главным из которых, как она интуитивно увидела, и все в конце концов убедились, является индивидуальное *против* общинного владения землей, — в то время как они также вольны сохранять любые унаследованные племенные обычаи, которые, как она также интуитивно видит, необходимы для сохранения их социальной жизни целостными, хотя и открытыми для вдохновения для индивидуального саморазвития.

В ее “Жизни среди пиутов”, которую каждый должен почитать по совести, прежде чем составлять свое мнение о характере и целях этой самой замечательной женщины, будет видно, как естественно и неизбежно она навлекла на себя враждебность нескольких агентов, к которым напрямую была отнесена каждая клевета, особенно клевета Райнхарта.

В шестой главе этой книги дается благодарный отчет о единственном агенте из семнадцати, посланных к пиутам с тех пор, как они стали известны белым, который не был для них бедствием. Этот человек, по имени Сэмюэл Пэриш, своим бескорыстием, честностью и простой человечностью своих действий продемонстрировал, что с индейцами не должно возникнуть никаких трудностей, если с ними обращаться справедливо, и что при тех же шансах пиуты, по крайней мере, могут стать такими же процветающими и богатыми, как белые поселенцы, вместо того чтобы быть обузой, которой казались все индейцы в “Век бесчестия”, так верно представленный “Х. Х.” в одноименной книге, а позже в замечательном рассказе “Рамона”, который постепенно делает для индейцев то, что “Хижина дяди Тома”. - сделал для негра. Но потребовался бы том даже больший, чем книга мистера Тибблза о “Скрытой силе”, чтобы подробно изложить даже историю этого преследования Сары, которая была прослежена во всех тонкостях многими ее друзьями, состоящими, я могу с уверенностью сказать, из сотен слушателей, которых захватили в плен ее бесхитростные речи, между ее приездом в Бостон весной 1883 года и ее отъездом на Запад из Балтимора в августе 1884 года. Я никогда не видел и не слышал ни об одном человеке из всех, кто сам слышал, как она выступала публично (после первой лекции, которую она прочитала в Бостоне), [2], который был хоть в малейшей степени затронут обвинениями, которые отвечали сами за себя в сознании каждого человека, который был очарован простым изложением фактов, которые она приводила с именами и датами, и бросил вызов миру, чтобы доказать одно из них ложь. Я сам слышал ее публичные выступления в Массачусетсе, Род-Айленде, Коннектикуте, Нью-Йорке и Пенсильвании целых тридцать раз, в которых она ни разу не повторилась и не противоречила себе, хотя было очевидно, что, за исключением выбора какой-то конкретной темы в качестве своей темы, она заранее не думала о

том, что ей следует сказать, но верила, что правильные слова будут даны ей “Духовным Отцом”, особым посланником которого она себя считала, и заставила аудиторию поверить в то, что она была.

Она собрала тысячи подписей под своими петициями, завела себе друзей и заинтересовала самых выдающихся членов Конгресса представлять ее петиции, и 6 июля 1884 года Сенат принял законопроект, который подразумевал отмену агентства озера Пирамид, поскольку в нем предлагалось передать резервацию бандам Уиннемакки и Леггинса в нескольких землях. И поэтому я довольствуюсь тем, что даст любому человеку со здравым смыслом и искренним сердцем вышеупомянутые намеки, с помощью которых он может оценить внутреннюю ценность или, скорее, бесполезность клеветнических слухов, которые Гибсон в последнее время удалось внедрить в умы нескольких человек, которые должны были бы быть ее помощниками, и которым она, в свою очередь, могла бы помочь в осуществлении их собственных благих намерений в отношении индейцев, если бы не прискорбное неправильное представление о ней, помешавшее им познакомиться с ней лично. “В записях опыта нет ничего более печального, чем то, что дети света неправильно понимают друг друга”; и нет ничего более катастрофического, чем ошибка, совершенная *людьми с добрыми намерениями*, потому что их впечатления не подвергаются сомнению, а проглатываются без промедления, без исследования. Если бы у меня была личная беседа с этими людьми, я уверен, что они никогда бы не предали огласке свою ошибку, моральную ответственность за которую я возлагаю только на Гибсона; но этого интервью они не добивались, придя к поспешному выводу, что я был пассивно введен в заблуждение. Они не знали, что я изучал историю Индии более семидесяти лет и уже в семь лет получил первое впечатление от энтузиазма моей собственной матери по отношению к другой “индийской принцессе”, на которой мой двоюродный дед, один из генералов нашей войны за Независимость, женился в Северном Мичигане, куда он уехал поселиться после войны, и чьи потомки-полукровки по фамилии Хант являются ценными гражданами этого штата. Это было первое впечатление о благородном домашнем воспитании, которое эта индийская принцесса дала своим детям, за которым последовало то, что, когда мне не было и десяти лет, я услышал, как мой отец читал моей матери “Историю североамериканских индейцев” Моравиана Хекервельдера, в которой подробно описывается племенной способ воспитания у детей почтения к старшим, правдивости друг с другом и величественного самоуважения, что дало мне ключ к характерным индейским добродетелям и позволило мне прочитать “Войны с индейцами” Хаббарда с открытыми глазами, чтобы увидеть, что белая раса была более могущественной. ответственнее, чем индейцы, за жестокость, которая произошла с обеих сторон. С тех пор я был всеядным читателем всего, что мог найти об индейцах, будь то от этнологов, путешественников или местных жителей, среди них, таких как Кэтлин, например; так что “Век бесчестия” Х. Х. не сообщил мне ничего такого, чего я не знал раньше. Помимо этого, я узнал от Уильяма Б. Огдена[3] историю происхождения и действия Индейского кольца с самого его начала у торговцев мехом; и изучал тайную историю войны во Флориде с вовлеченными в нее офицерами армии, которые рассказали мне о его постоянстве в интересах государственной службы при губернаторе Дювале. Все это, а также знакомство с миссионеркой-метиской Чиппева Таннер, которая тридцать лет назад выступила в Бостоне с точно такой же разъяснительной критикой порочного принципа всей миссионерской работы для индейцев, что и Сара Уиннемакка,[4] подготовила меня к тому, чтобы оценить и понять первую лекцию, которую я услышал от нее, адресованную “исключительно женщинам”, в которой она раскрыла суть своей деятельности. домашнее воспитание, которое бабушки племени пиутов давали молодежи обоего пола в

отношении их отношений друг с другом как до, так и после вступления в брак, — лекция, которая неизменно вызывала моральный энтузиазм у каждой женщины, которая ее слушала, и укрепляла их уверенность в чистоте ее характера и целеустремленности.

Вера, которую она тогда внушила мне, выросла благодаря всему остальному, что она говорила и делала за более чем трехлетнюю близость, в течение которой моя жизнь была связана с ней; и все же моя вера и доверие к ней основаны не исключительно на ее собственном красноречии *ipse dixit* и практической согласованности с ним, гораздо меньше на моих собственных субъективных впечатлениях, которые, я полностью осознаю, не могут быть доказательством для других людей, но на побочных доказательствах, которые постоянно сыплются на меня, что я готов *да здравствует голос* других людей. Люди, но большая часть из которых по правилам приличия не может быть опубликована публично, поскольку она включает в себя историю ее личных судебных процессов, которые священны для тех, кто знает их во всех подробностях. Это побочное свидетельство состояло, в дополнение к тому, что опубликовано в Приложении к “Жизни среди пиутов” (см. “Письмо Роджера Шермана Дэя, без приглашения”), из показаний лиц, неизвестных Саре Уиннемакка, которая неожиданно возникла в своей аудитории, чтобы подтвердить то, что она сказала, и заявить, что это не было преувеличением, — таких лиц, как преподобный Эдвин Браун из первой церкви в Провиденсе, профессор Брюер из Нью-Хейвена, отец Хьюз из монастыря Святого Иеронима в Нью-Йорке, и французский священник, от имени которого он говорил и который, по его словам, находился в Якима, когда она была, все из которых лично подтвердили ее заявления; также мои корреспонденты в Неваде и Калифорнии, один из которых предоставил следующие вырезки из калифорнийских газет за 1879 год, подтверждающие ее заявления о Райнхарте и Скотте.

“В дополнение к тому, что принцесса Сара Уиннемакка сказала во время своей лекции на днях вечером о некоем Райнхарте (индейском агенте в резервации Малер), о том, что в резервации в этом месте не осталось ни одного индейца, от Уолла-Уоллы поступают дополнительные заявления. В этих отчетах говорится, что в этом агентстве больше года не было ни одного индейца, и все же правительство постоянно отправляет туда материалы. Агент (Райнхарт) сам пытался и разослал своих эмиссаров по всей стране, даже в Неваду, подкупить пиутов, чтобы они вернулись. Но тщетно. Эти бедные индейцы испытали на себе его жестокость и больше этого не хотят. Так что, похоже, Сара знала, о чем говорила, и знала факты. Она сказала, что этот любимец индейского круга пообещал индейцам плату за работу; и когда они обратились за зарплатой, его отношение к ним было таково, что они отказались от дальнейших поборов подобного рода.

Затем он принял облик хулигана и с пистолетом в руке попытался заставить их работать на него. Теперь, сделав единственную уступку в том, что пиуты - мужчины, совершенно естественно, что они должны были покинуть его и резервацию. Если бы он был честным человеком, он проинформировал бы правительство о точном положении вещей и, таким образом, помешал бы правительству продолжать поставки для этого агентства. Ни один индеец не находится в радиусе двухсот миль от агентства, и ни одного нельзя подкупить, чтобы он вернулся. И все же правительство продолжает присылать припасы. Что с ними становится? Возможно, Райнхарт мог бы сказать; и, возможно, комиссар Хойт мог бы сказать - если бы захотел. При таких обстоятельствах неудивительно, что задается вопрос, почему Райнхарт все еще остается на своем посту на жалованье за выполнение обязанностей, которых не существует. Предлагается продать земли резервации в пользу

индейцев. Задается вопрос, говорится в депеше, для каких индейцев? В радиусе двухсот миль нет ни одного”.

Вот еще одна газетная заметка за эту дату, озаглавленная “Образцовый представитель Индийского бюро”:

“Две или три недели назад сюда из Орегона прибыл парень по имени Дж. У. Скотт, который выдает себя за представителя Министерства внутренних дел. Его угрозы вызвали немалую тревогу среди индейцев, которые съехались сюда со всех концов страны, чтобы услышать то, что он хотел сказать. Натчес и Виннемакка говорят, что во время вспышки в резервации Малер, прошлым летом, год назад, этот человек Скотт, у которого, по их словам, был контракт на поставку говядины в резервацию, разговаривал с индейцами на ранчо Кроули. Они сказали ему, что если он изложит их жалобы на бумаге и отправит документ в Вашингтон, они вернутся в резервацию. Вожди диктовали, а Натчес интерпретировал то, что он должен был написать. Когда они закончили, не очень-то веря в его честность, они забрали у него бумагу и отдали ее Дж. Б. Кроули для прочтения. Таким образом, они убедились, что он написал не то, что они продиктовали, и вместо того, чтобы констатировать тот факт, что их морили голодом в резервации и довели до отчаяния обращением с ними, он изобразил индейцев демонами, а агента - ангелом. Это привело в ярость дикарей, и Натчес и Уиннемакка с трудом удержали индейцев резервации от того, чтобы прямо здесь и сейчас снять скальп со Скотта. Зная, что в то время он обманул индейцев, Натчес и Уиннемакка побоялись доверять ему на совете, состоявшемся здесь после его прибытия из Малера некоторое время назад, и попросили нескольких белых мужчин — среди них писателя — присутствовать. О том, что произошло на совете, в то время правдиво сообщалось в этих колонках. Скотту, похоже, не нравится правда; поэтому вчера он сообщил Натчесу, что “Сильвер Стейт” несколько дней назад заявил, что он (Натчес) и Джерри Лонг, переводчик, были самыми отъявленными лжецами в стране. Автор не может предположить, какую цель мог иметь этот парень, рассказывая такую ложь индейцам, если только это не было сделано с целью вызвать у них недоверие к тем, кто говорит правду об агентстве Малера. Многолетнее знакомство со многими пиутами округа Гумбольдт дает автору право утверждать, что, насколько позволяет его опыт, они, как правило, правдивы и надежны; в то время как уважаемые белые люди, знавшие Скотта в округе Плумас, Калифорния, до того, как он уехал в Малер, говорят, что протоколы судов этого округа показывают, что порядочные люди свидетельствовали, что не поверили бы ему под присягой. Несомненно, Министерству внутренних дел следовало бы послать человека с лучшей репутацией в качестве своего представителя для проведения советов с индейцами и оставить мистера Скотта в Малере, чтобы он провел перепись индейцев и дал письменные показания о количестве говядины и одеял, распределенных в резервации, где с июня прошлого года не было ни одного индейца”.

К этим листкам я мог бы добавить самые любопытные письма, которые я получил как от демократов, так и от республиканцев из Вирджиния—Сити и Рино, которые, полагая, что я сестра банкира-миллионера, писали, чтобы побудить меня служить их политическим интересам деньгами и влиянием, - некоторые восхваляли, некоторые ругали Сару, и оба просвещали меня.

Надеясь, что меня простят за неизбежный эгоизм, связанный с этим особым заявлением о моей надежности как свидетеля по этому делу, я заканчиваю тем, что добавляю к отчету о претензиях ее школы то, что произошло с тех пор, как я начал писать это Постскрипtum.

Вместе с ее последним письмом, подтверждающим получение последних денег, выделенных на ее школу-интернат в августе, пришло уведомление, что литературные занятия в школе приостанавливаются на месяц из-за ее потребности в отдыхе и для того, чтобы дети могли помочь в уборке великолепного урожая, часть которого, как было оговорено заранее, предназначалась для оплаты одиннадцати мужчинам, работавшим с Натчес зимой, воды в водопроводной компании для полива в течение года, а часть - для оплаты пятнадцати работникам, мужчинам и женщинам, которые должны были помогать в жатве, в то время как остальные дети должны были помогать в уборке урожая. пшеница, продаваемая по текущей рыночной цене в 30 долларов за тонну, обеспечит содержание в следующем году, помимо обеспечения продовольствием и семенной кукурузой для посева в следующем году.

Должен признаться, я был несколько удивлен, что в ее письме не было ни слова радости по поводу этого надвигающегося счастливого завершения, а только болезненно серьезное выражение беспокойства о том, что я должен теперь отдохнуть от своих трудов ради нее и быть довольным, если в будущем она продолжит посещать только дневную школу. Но я приписал ее приглушенный тон усталости, вызванной длительным напряжением ее тела и разума. Это, однако, было объяснено в ее следующем письме, когда она приложила ко мне письмо, которое она получила от моей ошибочной подруги, в котором говорилось, что мисс Пибоди прислала ей все деньги, которые были предусмотрены для ее собственной старости, и работала на нее, чтобы получать 100 долларов в месяц, усерднее, чем она (Сара) когда-либо работала в своей жизни. Мне нет нужды говорить, что это сопровождалось страстной просьбой никогда больше не посылать ей ни цента и прекратить всякую дальнейшую заботу о ее работе. Конечно, я ответил, сразу же, что это письмо было ложью во всех пунктах; что обеспечение моей старости осталось нетронутым, и что работа, которую я выполнял для нее, была величайшим удовольствием, которое я когда-либо получал в своей жизни. Но прежде чем она смогла получить мой ответ (поскольку письму требуется шесть дней, чтобы добраться из Бостона в Лавлокс), пришло еще одно короткое послание, в котором говорилось, что я не должен писать ей снова, пока она не сообщит о своем новом местонахождении; поскольку, “по причине нашего невезения”, Натчес и она сама уезжают зарабатывать немного денег, а она — чтобы найти работу на какой-нибудь кухне, чтобы хотя бы прокормиться. Но ни слова об объяснении “невезения”, которого я не мог предугадать.

Поэтому я утаил эту статью от прессы до тех пор, пока не услышу ее снова. И вот, наконец, после двух недель ужасного молчания пришло еще одно письмо с подтверждением моих писем, которые она только что обнаружила, вернувшись в Лавлокс после двухнедельной службы на кухне миссис Мэри Уош из Рай-Бич, где она зарабатывала на пропитание и у нее было меньше доллара денег; и в этом письме она объясняет “невезение”. Кто-то из ее враждебно настроенных белых соседей сказал ее людям, которые согласились получать плату за свою работу из пшеницы, что мисс Пибоди присылает ей по 100 долларов в месяц *для них*, и таким образом вынудила их немедленно потребовать плату деньгами! “Если бы мы могли занять 200 долларов на два месяца, ” говорит она, “ мы могли бы заплатить им деньгами, а затем продать остальной урожай по 30 долларов за тонну. Но это была игра, чтобы заставить нас продать урожай лавочникам по 17 долларов за тонну, что (спасибо Духовному Отцу за столь многое)

оплатило все наши долги, но ничего не оставило; и я не мог питаться любовью, поэтому не мог возобновить школу; и я был совершенно обескуражен и измотан ”. Добавьте к этому, что только что умерла ее дорогая племянница Делия, которая страдала от чахотки с тех пор, как умер старший сын Натчей, который умер, когда все они тяжело заболели пневмонией в Уиннемакке, как раз перед тем, как мистер Стэнфорд подарил им ранчо. Она радуется, что “она в безопасности на небесах”; она надеется, что “Духовный Отец скоро позволит мне умереть”. Приведя в порядок свою зимнюю одежду, она говорит, что пойдет искать новую работу для своего пансиона; и добавляет в заключение: “Итак, дорогая, не говори больше от моего имени, но пусть мое имя вымрет и будет забыто; только не забывай меня, но пиши мне иногда, и я буду писать тебе, пока жив”. Конечно, я ответил на этот вопль, что, хотя я не удивляюсь ее отчаянию в данный момент, я ни в коем случае не принимаю это как финал нашего великого начинания, — что это естественная, но временная реакция ее нервов, и я вижу, что она по-прежнему вся благородна в этом энергичном стремлении к личной независимости, о котором я немедленно сообщу всем ее друзьям, уверенный, что это побудит их помочь ей пережить еще один год до следующего урожая. Тем временем я верю, что вся смена работы станет полноценным отдыхом, и ее родственники ясно увидят, что это неправда, что она жила независимо от них на 100 долларов в месяц, и что ее увлеченные ученики не преминут вернуть их родителям доверие и благодарность к ней.^[5] Я говорю ей, что нашел у переплетчика двести экземпляров ее книги, которые я немедленно начну продавать для нее снова, предлагая выслать один экземпляр с постоплатой тому, кто пришлет мне 1,00 доллара, и таким образом накопить новый фонд, который позволит ей возобновить ее грандиозное предприятие по созданию нормальной школы (ибо именно этим она и занималась) с индийскими преподавателями английского языка, для всех племен, языки которых она знает и которые, в свою очередь, дадут своим ученым вместе с цивилизованным английским языком промышленное образование, которое они в то же время получили, помогая по хозяйству и на ранчо.

И с этим подразумеваемым призывом ко множеству людей в Соединенных Штатах, которые, я уверен, искренне желают что-то сделать для наших индийских братьев, но не знают точно, что делать, я посылаю эту брошюру в вере, которая принесла миллионы долларов, непрощеных, за исключением молитв, в приют Джорджа Мюллера в Бристоле, старая Англия, и создала Дом для чахоточных и приют для неизлечимых раковых больных в Новой Англии.

ЭЛИЗАБЕТ П. ПИБОДИ.

Ямайская равнина, Массачусетс

СНОСКИ:

[1] Выставлен на продажу Т. Ю. Кроуэллом, Лафайет-Плейс, 13, Нью-Йорк.

[2] На той первой лекции она оскорбила своим рассказом о поведении методистского агента Уилбур, методистской леди, которая пыталась подкупить ее, чтобы она больше не говорила о нем, обещая свое гостеприимство и другую помощь. Но Сара была вынуждена сказать ей, что ей больше нечего сообщить, кроме как о таких действиях агентов, как его. Это сразу же вызвало противодействие против нее самой, которое привело к тому, что Ассоциация Женщин отвернулась от нее.

[3] Уильям Б. Огден, которого иногда называют “Королем Запада”, основателем его столицы Чикаго, вырос рядом с индейцами Центрального Нью—Йорка и до конца своей жизни не отказывался от плана, который он сформировал рано, пойти в Конгресс и агитировать за объединение индейцев в штаты, которые будут представлены в Конгрессе, чему, как он думал, они окажут необходимую поддержку. преобладающий моральный элемент. Это мнение сформировалось в результате долгого и близкого знакомства с отдельными индейцами Востока и Запада, и ему сочувствовали те, кто был в их силах направить его в Конгресс. Он думал посвятить десять лет обсуждению этой темы; но денежная ответственность за других, чье имущество, которое он посоветовал им вложить в Чикаго и которое оказалось под угрозой из-за паники 1837 и 1857 годов, вынудила его отложить это до тех пор, пока смерть не посмеется над его великой целью. Великая цель должна быть достигнута в самом начале ее замысла, иначе она никогда не будет достигнута.

[4] Этот “порочный принцип” превосходно изложен в книге Фредерика Денисона Мориса “Религии мира” и их отношение к христианству, которая должна быть руководством для миссионеров, особенно для индейцев, они так склонны забывать, за исключением, возможно, миссионеров-квакеров в духе Уильяма Пенна, что Бог открывает себя каждой душе своего народа. мужчина.

[5] Может показаться странным, что ее собственный народ мог находиться под таким влиянием поселенцев даже какое-то время. Это показывает их деморализацию. Это было одним из самых тяжелых испытаний для Сары, когда она поехала в Неваду в августе 1884 года, обнаружив, как последние семь лет бездомности, лишавшие ее народ всякой возможности для семейных советов и наследственной домашней дисциплины, сказались на их морали. Она обнаружила, что они разделены на небольшие отряды, добывающие простой хлеб под командованием капитанов, избранных за их умение *ладить*, а не за их доброту, как тогда, когда их назначал отеческий вождь; и что они частично утратили свое прежнее доверие к ней как к своей верной “Матери”, хотя она не могла винить их за это, поскольку, по ее словам, ее сделали рупором стольких лживых обещаний. Тот же самый недостаток доверия проявился временно в 1880 году, когда Министерство по делам индии не смогло отправить Лавлокс полотно для ста палаток, которое оно спонтанно пообещало ее отцу, когда они были в Вашингтоне в 1879 году; и министр внутренних дел также не выполнила письменный приказ, который он дал ей, показать ее людям и агенту Уилбуру из Якимы. Но это оказалось кратковременным приступом сомнений, и в 1883 году она по их просьбе отправилась на Восток со своей миссией. Однако с тех пор, как она поступила в школу, она начала чувствовать, что это станет точкой сплочения, и, за исключением переводчика и других виртуальных рабов агента в Резервации, они будут объединены с ней, несмотря на непрекращающиеся интриги Гибсона против нее, которые, несомненно, были возбуждены тем фактом, что ее школа привлекала даже пиутов в Резервации, которые хотели отправить к ней своих детей.